

НИКИТА САФОНОВ УЗЛЫ

АЛЬМАНАХ «ТРАНСЛИТ» И СВОБМАРКСИЗМ

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

Кraft

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: ОБЩИЙ ПЛАН

Весь сюжет дальнейшего продвижения мысли можно было бы определить в духе «недовольства высказыванием», или — неудовольствия от высказывания. Время пере-обустройства зон и уровней символического, разделяющее общий план отдельных речевых групп, полисов на единичные, практически окончательно лишенные объединяющей функции точки пространства репрезентации, являет собой не что иное, как закрытие письменного (сказать «говоримого» значило бы слишком раскрыть границы вопроса), заключение письменного в огромный текст потребления знаков, не проводя границ, даже — не имея границ (горизонтов), где эти точки (переменные) могли бы соотноситься друг с другом. Любая попытка высказывания в таком плотном шаре «общего» и становится раздражением, неудовольствием, закрытостью, раздражением — к неудовольствию. Высказывание располагается между собственной закрытостью через отрицание самого себя, будь то отрицание изобразительности, оформленности или отрицание тела, голоса-тела и предельной строгостью, собственной отчетностью.

Группы не говорят? Т.е. они, формально, и говорят, но не говорят друг с другом. Говорят, пребывая в этой глубокой несоотнесенности. Отношение диалога двух представить гораздо легче: это одно (А), это другое (Б) — изначально мы являем собой движение между А и Б, движение в пробеле от смысла к смыслу, на границе раздела первого и второго тогда, когда группа не говорит. Документация события какой бы то ни было возможной (взаимной) речи и есть то, что сохраняется среди молчания — «блок ощущений, составное целое уже не восприимчив и уже не чувств или переживаний» (Делез) — то, что происходит до тех пор, пока остается написанное, т. е. «пока есть чтение».

Место высказывания, не имеющее место — оставляющее само «место» без топографии, без зон ориентирования. Любое возможное событие (встречи, пересечения, обнаружения поля или рельефа вообще, пр.) является здесь, на этом «голом» месте исключаяющей возможностью отсутствия события, делающего отдельный план разграниченным дальше себя, разваленным без горизонта (событие, лишенное горизонта, — «ноль-объект»). Ноль-объект есть не вещь, не произведение, не производство: чистая возможность силуэта на карте — дерева, изгиба реки, населенного пункта (в котором, как становится ясно, «группы не говорят», когда не молчат), вещь, «предмет», имеющий в своей предметности явный пробел между символом и его действием, символом и его действительностью в плане случающегося. Возможностью речи группы, связанной в узле месторасположения, акцента, формы, узле языка — А умноженное на Б, точнее — умноженные один на другого А и Б, в переплетении со-отнесенности.

Произведение (не конкретно данное перед глазами, а то, что сохраняется искусством) в ближайшем рассмотрении становится неким прологом происходящего создания, происходящего появления. В общем этот пролог мало определим, так как он есть «то, что до», то, что перед определенным, перед объектом как таковым, до символа — след начала. Или же он оказывается обещанием и одновременно — обозначением того, что топография свершается — как текстуально, так и действительно (материально, в сущем). Снова Делез, переписывая фразу «сделать так, чтобы оно само собой стояло» на «сделать так, чтобы оно само собой становилось»; кажется, становление, а не остановка и есть тот предел заложенной, изначальной ошибки смысла между разрывами смыслов, символа, описывающего отсутствие символов, сложнее сказать — групп символов.

Витгенштейн: «2.014 Объекты содержат возможности всех ситуаций».

Топография свершается, свершается становлением и образует само место, где произведение становится в оппозицию к следующему, предыдущему, ближайшему произведению: в оппозицию условную, оппозицию-раскол, выполняющую роль утерянного горизонта, оставляющую расположенным на карте символам возможности. В конце концов каждый символ внутри местности и есть функция возможного, иного. Здесь имеется абстрактная схема: общий план топографии, как соотнесения одного говорящего к другому есть план расположения говорящих, развернутых в возможности собственной речи, которая есть речь соотнесения — сама для себя, внутри собственного набора открытий и в форме «тоннеля», языковой трубы в возможности говоримого вблизи.

Таким образом один из них, говорящих, сохраняется внутри произведения, там, где больше нет места для удержания (Бланшо). Чистое, в определенном смысле иллюзорное становление — как простое движение, разнонаправленное в воздухе вариаций — регулируется во временном этим самым удержанием, не фиксацией символом на карте, но удержанием его среди остальных, среди остального, пусть менее определимого сказанного. Можно определить становление, удержанное этим образом, как утрату, отсутствие события, события, размещенного в бесконечном перемещении хаоса. Не получается ли, что само становление лишает событие его горизонта, его мнимой границы — галлюцинации окончания, «мы не можем не писать, пока находимся в этом аду».

Письмо оказывается не чем иным, как страхом, страхом одновременно запечатлеть любое окончание «книги», при этом постоянно производящее это окончание, каждым словом, имеющим окончание, страхом высказать окончание, вместо того, чтобы расположить иллюзию голоса, через обращенность к другому на местности окраин речи.

Окончание, отбрасывающее движение возможного в пределах карты, рельефа карты, разграниченного трещинами и проекциями листа письма, описывающего горизонт.

Утраченное, отсутствующее событие и есть свой собственный горизонт, ровная линия, на которой каждое высказывание есть «ноль-объект», оставленный в поиске соседними и оставивший поиски сам. Замкнутый цикл производства знаков собственного нуля-объекта, кажется, способен на две вещи: утратить соотнесенность вовсе, до абсолюта, пребывая в состоянии бесконечно повторяющегося ожидания действительности, или же пытаться в мерцающей фактуре медиаткани воссоздать красивую галлюцинацию соотнесения с иным (на деле несуществующим) объектом. Завязать узел, узлы миражей, то и дело возникающих в письме.

Узел есть не связывание высказывания, но его раздражение — раздражение горизонта-линии, связи (нити), не схваченной с другого конца, даже с обоих концов. Но узел не может быть «завязан». Узел — это объект-ноль, не оппозиция, не объективно остающийся во времени предмет, но становление бесконечности смысла (бесконечной, протяженной мысли, словно бесконечного чтения). Завязанный в точке расположения говорящего, в точке, ожидающей среди отсутствия сам «рельеф» дискурса, он рассеивает собственные возможности в пределах хаоса, молчания хаоса, надеясь пересечь одним из собственных горизонтов горизонт действительного. Найти действительность события в отсутствии события. А, сводимое к промежутку между А и Б. Ноль-объект, направляющий на объект-ноль.

A1-A7

1

Горловой сон, когда он видел ее.

Так, словно это была приближенность к событию, когда оно было зримо.
Сперва: теплое молчание знака и дрожь сложения последних.

Т. е., начиная говорить, сходит на нет,

т. е., было отчетливо видно части тела, помня о горизонте;
объективности горизонта = памяти о частях тел.

Так рука стала бы дальним горизонтом, пока были слышны звуки
приближающегося алфавита.

Та, которая движется к указанию. (Глаза, говорящие об обратном)

Иначе — письмо, отяжеленное широтой гласных,
напоминающее о прикосновении.

2

Имя, что есть (теперь) среди

решения перейти мост поперек, другое название для воды

Имя, что есть теперь (среди)

Имя, которое... — дальше начало становится промежутком

Пропущено в хронологии (имя, которое) почти все, о чем не зашла бы речь.
Речь об обратном:

«После того, как все было сожжено: люди, оставшиеся внутри»

«Перемещению воздуха»; «оставшиеся внутри, чередой движений»

3

После памяти, после вещи, после произносимого,
но после произнесенного. После, для безмолвия, даже света.

Когда другие надписи, словно порванные тетради, были бы сохранены в книге.
Запись 15: это явные языки для прошедшего (времени).

Волосы над светлым течением струй — время прошлого, как машины
воспроизводимых желаний ее, ее ожидания. Но среди остального
не было всего перечисленного, о котором шло повествование. Как пример — ты
не говоришь больше, ты и есть произошедшее изнутри (здесь не твой звук)

«Я понимаю, что остается: история, грани высказываний, терпение»

Холодный ветер, жар

4

Сопротивление или не-имя, направление указаний на отдельно стоящие,
утраченные желания (объекты) — от их лица

промежутки целого скорее не обретаются среди трещин: этих и тех
«дай знать, когда начнет тяготить тебя», словно солнца «сегодня не было»,
как быстро среди остального это не было бы произведено. Незнакомые
повороты на снимках, просвеченные узкие замкнутые пятна виртуального —
в одной очередности прогресса-лишения — *он или о нем?*

ЗАПИСЬ (МЕТОДА) ЗАПИСИ (ИЗОБРАЖЕНИЯ)

Того, что случилось меж этих страниц, темных по ветру

Между отражением моста и самим мостом, как треснувшим
теперь уже зеркалом,
от А к первому Б — цитируя невнятный слог п. 2,3:

В этих пустынях и есть расщепление плоскости прямоты
Прямая речь сама оговаривает срединное положение плоскости, как пустыни;
Она не есть пустыня. Заканчиваясь, «прочее» пересекает предметность
еще до возникновения смысла предметов и — выпрашиваемого порядка их

Отказ от объекта в его описании — темные черты линий на матовом стекле,
разделяющем видимое от того, что прежде не подлежит описанию,
фрагментации в письме — читаемым: пропадающий (возобновляемый) свет
(п. 2: ближайший или бывший) есть только предполагаемое.
До следующего провала знаков сказанное = представленное.
(Движение вод)

(Те самые части огромного снимка каменной черной стены)

В абзацах 5, 82, 11 все сказанное (не представленное позднее срока),
разложенное в порядке работы с материалом, не имеет фигур
в корпусе окончаний, зависящих косвенно от других, третьих и пр.
Словного нет следов сложного припоминания
забытого языка значений.

Уведомление С. о ближайшей возможности сопротивления.
От этого действительного события к неуловимому образу С. вдали.

(Та самая часть каменной стены, что черна)

Последнее, что оставлено — расстояние, которое остается
письмом в отношении к другому — то, что не могло быть произнесено.
Те отдельные признаки узанного горизонта задолго (когда?)
до случившегося. Расстояние предельной близости, тяжелое
в своем приближении, в сопротивлении промежутков приближенного.

(Та, другая, чернота камня)

СЦЕНЫ

Т. 20–47, п. 5, сцена 1

Страница, вырванная из книги,
окрашенная изнутри дня — сюжет, оглушенный,
следит за квадратом драмы; и тот, кто писал ее

кто писал ее тебе, пока ты не проснулась
и
откуда возник он? То сказанное состоит в том
(высказать сообщение)

другие исходные данные, другой ответ

Т. 21–14, сцена 3

(невозможные логические абстракции)

П.: (кричит) «Я не могла сказать это,
я говорю: последние дни окрашены ожиданием. Чтобы забыть то, что можно
забыть, мы обязаны считаться с функциями инерции разговора»

Закат сливается в декорации снимка.

П., разворачиваясь спиной, поднимается по гладкой равнине.

П.: (шепотом) «Свободное поле это от времени и пространства суть форма
интуиции»

Т. 20–26, отст. 7, сцена 1

Нет видимого и различимого, все устраняет
само себя, обрекая перцепцию на схватывание условностей,
ограниченных выдержками сценария.

Работа на сжатие: воспринимаемая как факт остранения иллюзия времени
суток,
сменяющих А. и С. на структурные противоположности.

Пример: перемещение не белой, но стянутой холодом,
подбирающимся к ногам С., сидящей на огромном камне,
повторяющей речь, записанную на диктофон, обязанной
ежечасно повторять то, что звучит перед ней,
машины,

расположенной сравнительно далеко от А., оглушающей собравшихся
вокруг ее тела, театрально падающего с выгоревшего склона, людей,
когда она, обнажая гортань, ищет слова, чтобы вывести ситуацию в
избыточность,
но звук ветра, проникающего внутрь ее, раздражает связи
и исчезает до колебания.

Т. 04–1, эпизод 2, вступление

Все могло перестать действовать,
перестать отдаляться — когда рука, определяющая момент соединения,
была бы оторвана от чужого тела границами кадра.

Животное молчание, ставшее репетицией финала, определило
дальнейшие сомнения книги

Т. 04–1, эпизод 2, сцена 4

пока
тебя не было
в открытое окно

начала
поступать темнота
спокойно заключает она

Т. 150–6, эпизод 1, сцена 24

Феноменальность потери, разоблачение мотивации,
долгий переход от основной части мотива к последней, дополнительной
теме, повествующей об обратном подходе к изображаемому:
картина, кажущая себя здесь, теперь незначительна,
опосредована тем, что картина есть только воспроизводство необходимости
указать, что сила произносимых слов неисчерпаема, если согласна.

Подойди ближе, — произносится с безразличием. Сеть потребления голоса,
близость как отдаление тела, приближение,
как часть тела.

Т. 134–11, сцена 6

Симптом, определяемый как действующий среди конструкции происходящего с П.
персонаж, авторизующий и молчание ее, и падение в область другую,
несходную со становлением принципов-действия, очередности появления
сначала лица, затем голоса,

а) если П.:
(отходя в сторону, полуобернувшись)
«Невозможно сказать то, что написано»

а. 1) то
этим же замыканием события на проблему случая, выводящего в нем
распад кода
мы могли бы дать конкретный ответ на важность записи, предвещающей это

б) если П.:
(не двигаясь)
«Написанное есть то, что произнесено ранее»

б.1) то
продолжение сцены письма стало бы выходом за контур цепи означающих

Т. 04–1, эпизод 3, сцена 18

именно в этой
истории перемены плана
как перемены значений

обособляется
внешнее напряжение
этой истории

Т. 1–1, эпитафия 3

«Недалеко от места, где ты жил,
возможны были следующие вещи:
сад, понятый как равновесие желаний-теперь,
устойчивость соединения тела,
забытые другие,
расстояния, пределы
первоначальной сцены»

Т. 1–1, вступление

Преждевременный, невыносимый объект,
появляющийся
вместе с обрушением темноты
(трещин цвета)

(пока данные несвязны)

Прежде становится болью,
утрачивающей ощущение — призраки ощущений,
оказывающие давление внутренним определениям: все, что могло быть
всем, что недостижимо, близко, всем, что рассматривается
как элементарные действия отдаления-к-дальнейшему.

Т. 158–67, отст. 4, сцена 9

Не противоположные сами себе: не об этом, скорее
видимые только как следы движения, пока глаз не в силах улавливать один
символ, С., заучивающую «необходимость сказать» и другой, А., обреченно

становящуюся самим движением, вымеряющим след. Оставив открытыми пять страниц, идущих подряд, оба товара лексики, использованных в целях соединить момент появления вместе на горизонте меняются местами — так, что узнавание оказывается закрытым в разоблачении органа, узнающего только определение выхода.

– Представь, что этого не было, представь, что ты не говорила, я есть только то, что ты знаешь, только то, что ты забывала, то, что не рассматривалось вообще. Теряя напряжение, возможно ухватывать снятие избытка, печать горла, отнесенность одного к другому: так зависает в воздухе этот последний, забытый снимок — самого снимка, не описанного, но законченного.

– Не важно, кто говорит теперь.

(смотрит на завершающийся отсчет времени записи)

То, что ты описал, то, что произошло вне зависимости от факта крушений; что упущено прежде — стена камней, обращенная к западу, принимающая, как есть, окончание фразы.

М. п. 29. 01:18:47

Вне зависимости от обстоятельств она является частью картины.

Если нет — картина несвязна и представляет собой перенос дыхания, бьющегося о землю, на исходящую от иссушения «реку 5».

Возможно, необходимо добавить требование не фиксировать этот момент, оставлять его времени — тому, что определяет эту случайность.

Не заполнять графы таблицы законченных сцен, чтобы не использовать как подтверждение памяти,

«заключать наличие в скобки».

М. п. 54. 02:19:14

«Совершенное безумие — видеть что-либо, но, намеренно закрывая глаза, обеспечить задержку»

(задержка дыхания)

Восход солнца в обратном порядке.

М. п. 56. 02:19:17

Важнее использовать не составляющие точку реальности равенства (чем дальше осуществляется перенесение чувства к границам высказанного,

тем сложнее дается постоянство границы),
но это скопление множеств,
выведенных в неосуществимый процесс актов близости:
освещения — с изнанкой пространства.

Заключение:

можно последовательно позволять времени оставаться предметом знака.

М. п. 21. 01:15:26

не только
крайности, сколько относимые к происходящему
выдержки, закрытия письменных знаков,
располагающихся в дробящем плане, делают отсрочку,
перепроизводство рожденной трагедии

горящий дом на окраине текстуальности:
половой акт, освещенный камерой:

Закрытые, относящиеся косвенно к снимку именованья,
не отличающиеся от любых других, обратных им, но

можно ли говорить теперь о различии в рамках экрана
как о депортации смысла, изгнания памяти смысла обратно,
обратно в стоячие воды, обратно в крушение языка

М. п. 5. 00:16:46

нет

содержания

приходится обходиться заменой,

лишенной
любого обоснования
следующих

страниц

L-17

(1)

после того, как (прежде слышен) место опознанного представлено этим
этих других звуков не было,
но определяющий взгляд: первое, второе, т. д.
движение есть это сомнение, когда оставлен
продолженный след — все дальше,

на берег вынес пустую воду: квадрата рук

(2)

Без ясных оборотов языка: ось, снимающая ось — камера 2, прямой свет,
искажения зрачка, смотрящего на внутренности объекта. Вид прост: тревога,
замещающая постоянство, разделяет всю цепь согласий на изъятые острова
(без признаков существования, без единого камня у края глаз). Камера 2,
соединяющая прямое и обратное изображения — испуг, производящий переход
(от дороги к полосам).

(3)

О. Опыт, который ты описала: «слова имеют обратный ход,
замену труда на различия»
Рот, вынесенный ветром на дальнюю сторону ситуации есть часть тела,
равномерно отдаляющаяся
на расстояние профиля. Т. е. два перемещения, рожденные в переводе.

(4)

Берег, заключенный в повторяющийся
осколок стекла, отражающего то, что за
обходящий (с целью сойтись) стекло глаза. Этим

смог остановить
разъятую и повторенную

(5)

кажущего в тусклом свете обозначенное утерянным
последние из произнесенных фрагментов есть закрытое

(явление) — тень, представлена ими

(6)

что есть а) представление
и б) прочее. Искусственный свет,
приподнимающий тень руки к корпусу камеры и

его возможное описание. Не определяя материала (тело, которое не исчезает)
смог бросить их к воде. Двадцать одинаковых писем,
ставших письмами о материале,
как отрицание фразы, идущей ранее (после твоих слов) —
после слов, произнесенных твоим ртом.

(7)

Не определение голоса, не цикл признания взгляда
вовне — прежде достаточная манера изъяснять первые,
третьи и вторые положения теории З

как остаток машины, размывающей эту степь. Эта степь.
эта потеря «степи», положение не-произношения.

Имя голоса, именование каждого. П. 5.6: его нет,
п. 12 — «есть только ориентиры, выявляющие адресата
в разнесенности (его)»

(8)

в другом отношении можно было бы обозначать эти структуры такими, какими
они были тогда, и уменьшать чувство неясности среди связей в определенности,
полагать иначе обоснование, самим жестом произведенного из безликого
материала не иметь общего с тем, что начинает движение в начале сложения —
прочее, пр., остающееся у прилива.

(9)

После «что если идет дождь» нечто вне прикосновения

воображаемый край воздуха / последствия сопротивлений,
остальное неразборчиво

БЕЗ НАЗВАНИЯ: 5, 8, 27

1

ветвей /
разнесенного — картина 4

Равно — пока ты отнес
до того, как перестал смотреть
как, прибавляя

двигались к горизонту-разлому,
осматривая ночь.

2

что есть
пропущено: две спирали, относимые
друг к другу
по мере движения
трава вдоль, белая как

3

как если было все еще видно
в постоянстве тела
от-тела

ТО, ЧТО: В, 2

= -a; -c; -x

«Это» не формула; говоря о согласии на наличие адресата, говоришь: один — определенная часть видимого; два — существенное среди оставшегося. Говоришь: «здесь не холодно».

Последовательно меняются точки стабилизации расстояния от взгляда до встречного взгляда, когда элементарные сущности системы, о которой некто пытался бы высказаться, становятся абсолютом, привязанным к центру игры.

Но кто мог пытаться? Если «эта дорога» или «этот пейзаж» остаются формальными заключениями, ищущими начало, если любое другое условие не равно функции поиска — любое действие, исключая объект, рождается на территории бреда.

Припоминаешь, как Р. дарил В. какую-то фигуру памяти, собранную наспех из оставшихся конспектов теории исключений: помнишь, исключая себя из этой истории. Допустить, что «эта дорога была воспроизведением театрального молчания», равно ничего не сказать, отдалиться связками гласных от ситуации, давно ставшей не-временем и пр.

То, как ты реагируешь на слова, которых не должно быть — нет ли их теперь? То, что имеет место как то, как ты реагируешь на то, чего нет, — есть противоречие составных частей.

«За окном не холодно» — «сейчас раннее утро: эти звуки слышны» — «я нахожусь здесь»

Припоминаешь раннее утро или его начало, точнее: ограничь себя тем, что эти отдельные битые надписи являются центром пейзажа, серединой самости бреда, когда остается возможность свести к двум или трем составляющим нечеловеческие границы происходящего — словно и свободное действие и действительность слуха обращены к этим (камням, деревьям, записям) частям другого, памятного сокрытости, слуха.

«Контрастные тона мужского и женского тела» не есть первое определение этих камней, рождающихся среди поля инерции, но необходимое условие продолжения мысли — Р. и мысль есть опоздание голоса на величину, равную забыванию звука, произносимого полуоткрытым ртом, т. е. «ты есть», что равно «ты» — я называю тебя (созвучием). Говорит: «после различий этих и

других тел сложно говорить о представляемом впечатлении их, разложенных по порядку формы и помещенных в некую утопию материала». Говорит: «начинаю забывать цвета». Говорит: «этот белый и его оттиск не могут сойтись в этой точке»

говорит а, с, х

Говорит «а или не-а»;

«с или х», статус независимого отрицания, рассуждения о негативности.

Если этот закон можно было бы переписать, они оказались бы бессмысленными обозначениями неопределенного.

Тонкий лед или закрытая арка свода, которую умалчивает — перед тем, как снова явиться.

Перед тем, как закрыть наличие — свое,

неузнанное наличие в пересеченных слогах.

«Это» не 24, не 57, не три

не восьмое. Не прежде и не от символа к действию, к определению

зависимости параграфа 5 от нумерованного высказывания. Простой

счет, выдержанный оправданием ритмики как характеристики территории, описанной в посвящении. Неуказанного в анализе, от которого расходятся векторы посвящения.

СНЯТОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Исчезнувшее еще до того, как его можно было распознать при свете:

точное, как все, отосланное обратно, движение до того, как его можно было документально фиксировать прежде того, как ты реагируешь на появление света и — здесь — конструируешь дальнейшее понимание этой точки фигуры, противоречащей самой себе, сопротивляющейся самой себе расположение обращения другого к другому через отсрочку любой противоположности, равной не полноте неясности, но забыванию-продолжать-говорить.

ИЗОБРАЖЕНИЕ СНЯТОГО ПОСВЯЩЕНИЯ

Когда акцент вымещен, когда оставлен

Этот акцент, это медленное касание

Этот, невидимый, камень

Это предложение незримо

КОПИЯ ПОСВЯЩЕНИЯ

Это неопределенное касание, имеющее цвет за неимением цвета, контраст, сдавливающий четкость картины, картину-касание, в противоположность графике исключения — 58, шесть, «этой точки нет».

ДРУГИМИ СЛОВАМИ (6 версий обращения)

1

Возникающий,
первоначальный звук выхода
в дверной проем — ни тени, что тебе
видится
Постоянство разверстого звука
в замкнутых
условиях комнаты
переживает вопрос

2

Тот или иной пробел
положения стекла,
треснувшего без причины. Это
отражение

оторванное от настоящего

3

К доступности воздуха,
к запомнившимся рамкам плоти
отнеси эту речь

обращаясь: «не подходи»
«забудь себя», «постарайся вспомнить»

4

Если указывать на возможное
прошлое как на эволюцию взгляда
слепое пятно алфавита

опережающие согласные, ряды огня
тонут среди

5

напротив, расположенную вне старого здания
тебя обратили в документацию смысла –

не то

6

Не оно возможность та, не ты
тот пробел
от слепого пятна до видимостей дороги,
тонущей в слепоте

после всего, что

до настоящего

ПОЗИЦИИ

без названия

(урок арабского)

*Вчера шел дождь. Вчера было тепло, а сегодня холодно.
Сегодня идет снег, а что завтра пойдет? Кто это знает?*

Кто знает, что завтра пойдет?

*В школьном саду финики, инжир и оливы. Я спросил Зейда: «Где ты был?»
В сегодняшнем уроке много новых слов. Дождь полезный? Да, дождь полезный.
А снег полезный? Да, снег тоже полезный. Кто нарисовал это?*

Почему ты сидишь и не читаешь? Ты не пишешь мне письма.

Что я тебе сказал?

*Розы, деревья и посеvy хотят дождя. Откуда идет дождь? Откуда идет снег?
Нарисуй мне площадь и на площади мальчика с мячом.
Нарисуй мне деревья и розы под ними.*

без названия

1

Нет рассуждения прежде, чем
снова говорить об этом
и снова говорить об этом,
но ты молчишь. Пока зажимается ночь
те капли «есть». В середине книги,
движением, стынет событие окончаний:
ждать около леса прибывающую темноту;
белый, как границы круга, лес
= повествование о конкретном. Оставшийся дождь над аркой с утра —
быть здесь, равно
передавать пространство

2

Знак «есть», когда капли мерно растворялись и исчезали;
безмерное, зеркало отражает себя самого

Взгляды в пустых согласных дороги от Б. есть окончание леса,
но и выше леса. Продолженная горизонталь равенства освобождает руки
от чувства тепла; так, что неисчислимое есть только воздух. Помнить
только объекты, без синтаксиса, т. е. лишенными всякой
памяти (нарисованные профили камней, напоминающих лица,
шестнадцать штук, 28.05)

т. е. помнить и это: выражение, как время дождя

а

1

только наполовину освещенные руки в фильме, упомянутом кем-то что ты зовешь «окончание книги»

«Я прочел это, как огромный камень в грозу». Это словно твердеющий океан, вырезанный из языка природы так, что он прекращает движение и начинает возвращаться в речь

2

простейшие листья, влажные, на полу (среди схем молекул) тот телефонный звонок (капля в кровати). Определения прямо здесь, на стене — почему ты идешь туда?

3

ф, а, бр на полу. Никакого света, лишь колесо рта полного их в эпизоде 2: они пересчитывают сами себя

пока эта картина возвращается в появлении, звук снаружи спрашивает о правде: как это выглядит? В этих предметах, или в их именах, названных в начале, или на стене, белой краской?

4

Предложение не имеет символа — В.

предложение не есть символ

5

ее назвали: вода, проходящая к этим рукам

Пока ветви были ослаблены, осталась возможность зафиксировать их притяжение к земле, сорвать тонкий слой произношения имени, забыть надпись напротив.

б

говорить объективно: это

Ф.: Сколько слов в этом стихе?

Л.: Три.

Ф.: То есть здесь три знака?

Л.: Да, это так.

Ф.: Ты понимаешь этот стих?

сказанное не имеет возможного, что если первый шаг не соотносится с методом.

Красный маяк, сумерки пространства, т. е. вещи, которых нет
о которых сказать — Я

Л.: Да, он понятен мне.

Ф.: Скажи мне теперь, что означает каждое слово.

Каждое выражение обнаружено среди «теперь» и «время» — две мысли,
которые были запечатаны в конверте среди других записей (три слова).

Смотря на успокаивающийся дождь, объяснение случается однажды: то,
что отсутствует
находится прежде взгляда, когда светлая ткань морсящего воздуха
есть объект.

Читая написанное, логические соединения неслучайны — что есть случайность,
сколько здесь слов? Три и еще одно, в отрицании? Не все они — знаки,
когда слышен шум машины сквозь: две стены, две оконные рамы, сон

Л. не говорит слов, его слово — разница между вопросом и его частью,
«несколько дней назад я видел мертвого человека,
несколько произношений ранее я воспроизвел смерть — свою
и любую иную». После
значения.

с

если здесь и было изображение,
некто оставил его. Но имена, которые
могут быть названы
склоняются к тени письма, к обратной стороне поля.
Там неопределенная вещь постоянно ищет,
ищет остервенение молчания
(памяти)

всего, что появляется
(кроме)

всего раз.

Слюда у краев рта = предп. слова
в середине ядра. Никто кроме и в общем
не создает территорию света,
открывая горизонт кораблям. Имя равно письму — никто
тождественен отсутствию, никто не тожд. отс-ию.

х-с

Обо всем можно сказать 2 слова — «это» и «кроме»
это — только 2 слова
рассвет над

(страх ослепнуть)

Все, что видимо, касается тела, конечные и немые,
свето-тела вдоль по раскаленному горизонту =
уроки закрытых наполовину глаз;
«Кроме позиций он замечает вытесненное тобой.
Когда — след. вопрос». Кроме него?

близость, так или иначе, возвращенная дистанции.
мы лежали на кровати (1930)
см. п. 2, 3

Рассуждение колеблется, как усопший маятник
начинает движение (ср.: утверждение,
строительство (сопротивление?) диалога)

Лишь ветер, распадающийся на улицы-катастрофы
есть этот фильм о фильме;

пустые графы таблицы разговора о пресечении спора
не поддаются формулированию. Введение
говорило о пропаже математического: не-я ведет этот счет букв,
проходя мимо аварии, возвращенной событию.

без названия: возможные

1

пока черное есть черное, и оно движимо отстранением цвета

(пока масса между событием и прошедшим собирается, явленная не языком)

может ли сохраниться сигнал цвета, припадающего к ночи бессилия
последние дни вне этого смысла, оставленности — окаменелости пешехода

на промежутках материи у кисти руки. Так, однажды
пока ты говоришь, что сон это лепесток космоса
вырванного наверх, так и продолжаешь бодрствовать у края реки

т.е. остается следить: линий берега не видно, но край есть

проплывая сквозь листовенные заросли к остановке

о чем говорило это
(эти, так же, как и те, берега)

2

есть ли вне проема в окне и трещины в кирпиче длительное (см. память),
вне всего, причисленного к воспоминанию. «Вне» — как на отметке границы

т. е. пока некто причастен, он расположен здесь — среди обломков внимания
к вещи: тонкая струя воды, выплывающая из-под ног по асфальту

внимание — продолжение вещи, когда я движется к вещи

может ли сократиться время без травмы (есть ли оно)
пока последнее из сказанного не оставит его (время)

3

не оставляет ли время вне трещин другое время без травмы
как предыдущие два вопроса не созданы для себя
и где все ранее обнаруженные вопросы (теперь)

4

словно бы река не имела дна

иметь подобную смелость. Нарушить предложение,
законченное не словами, расшевелить строй согласных
среди голых площадок из струганного дерева, рядов деревьев и
цельных кусков мокрого песка: соударяющиеся перечисления,
словно уже не река, а предложение о реке не имеет дна
(когда камень падает вниз или дождь)

5

«тем самым, все приходит к тому, что имеются только две точки определений»

или

«имеются только те, взаимопределяемые, две точки»

*Один: символов стало больше, когда
разошлись трещины дня, пепла, праха, постели*

*Другой: так и есть, запас определенного равен солнцу над высотой,
здесь не заходит ночь, но правила нет, когда можешь сказать, когда
повторение есть последовательное забывание повторенного*

без названия: формы

—
Форма меняет форму: уголь тлеет, меняя цвет среди ночи.

Как идти по невозможному краю тропы, когда она, невозможная форма, означает себя саму. Так и то, что ее нет, когда есть невозможность.

Так решение было задано в задаче из двух: два воспоминания и два слова. Словно письмо это письмо: конец ожидания (конца ожидания).

—
На каждой цифре есть вещь к названию, но нет. Два воспоминания о памяти — «торопиться к началу (грозы)», или: мост есть мост через этот грязный водоем серого цвета. Память моста или смерть внимания, ломающееся, ускользает, как постоянное превращение жидкости.

—
Прежде, чем рассеяться: история всегда другая, пока есть этот сон. На полях не увидеть следа руки; когда есть все, т. к. есть часть (часть неба, обломок стены) после пустот.

оба молчания, вышедшие к тишине А

Рука, вмерзшая в грунт, едва ли была живой, если слово представило ее, как место. Следа, которого не оставило запястье, бьющееся к обратной стороне ограды.

И, проходя мимо, мы отыскивали бы тот силуэт, словно книгу.

Ту, которой и не было — так ранее каждый выходил к тишине перед пожелтевшими страницами общей памяти: распознал старый въезд в сад, заваленный кучей камней, склонившихся и упавших деревьев, таблицы с надписями «яблоня 2», «старый/мост», распознал стареющие руки чужих и себя среди: увидел все. Как и ту книгу, место которой — ничто; заваленную призраками словаря, отказами перевода, отсрочкой.

Среди прочего на полях была запись: то было найдено там, где его не нашли, оно было вместо той записи.

—
Когда эта заброшенность пройдена, когда ветви сбрасывали себя в этот пустой водоем — что имеет в разговоре звук, который услышал только один — был ли он мертв или врыт в сухую землю безжизненности, беззвучия и неба, ставшего темно-синим.

Есть согласие закрытое, падение стебля

лист, краснеющий на языке.

—

Глаза в середине дня. Только то, что я мог сказать, опереженный в пустыне; ты проходишь другие места: над крышами разверзается полу-свет, остаток твоего внимания и момента, когда А. говорит, что любой голос сейчас не имеет смысла.

Как будто я понимаю, что есть смысл, и она говорит: «Смысл есть линии». Среди писем, содержащих другие темы, не затронутые в предыдущих, тех, которых и не было, я понимаю их.

—

Трое до сих пор движутся посреди озера-сна.

«Истлевший на берегу конверт — то облако дыма, что белое питается днем и прерывается в исчезновении».

—

Эта картина была описана ранее. Пять слов от действия времени — эта мелкая рябь.

Какой голос сколько ночей проводил бессонных на земле
песней или языком Я

что его привело, как раз из возможности иметь этот опыт не-присутствия.

..... была произведена
(переработанный камень)

—

1 и 3 на расстоянии вытянутой руки друг от друга у стены, полной имен, разговаривают о смещении вида сквозь трещины в материале, случайно касаясь подобного телу разрыва, о коротком замыкании к символическому.

Запись 11: дует ветер, темнеет —
стена, полная камня — камень на ровном железе.

Остальное пропущено: *другие слова молчат.*

НАБРОСОК №: ТО, ЧТО

1.

Темные, как продолжение рассказа, числа.

Те, которые мы использовали (изнутри?) в качестве потенциально возможных, несоразмерных отчаянию.

Определяя движение как обратное движению, отрицаемому горизонту через использование его (стеснениями смысла) как прежнего.

Прежде существовавший эскиз дороги, нисходящей к выражаемому, пробелу.

Ни определенного, ни закрытого, ни двери, принимающей тела.

Возможен ли этот вход? Ты (я) определяем видимость как видимость перемещения тебя (тебя) вне данного; размер которого был и есть равен нулю; за окном переопределены сутки;

Прежде которых — другие.

2.

И происходящее невозможно для выражения исхода; собрание записей до начертания увиденного письма — которое есть и не захвачено краем ровной линии, отсекающей отражения какого-либо «после строки» «после» «достаточного» (равного) и пр.

Д. указывает на сигнал относительно «сигнала», ставшего отрицанием: соразмерное обоснование катастрофы (принцип 5, описанный 19.03, см. п. 3 и далее: случай дефицита встречи одного способа имеет основной необходимостью вглядываться в то, что встречает случай изначально)

не имеет доступного или сомнительного — в конце речи его дополнительное внимание к действию (действиям остальных) исчезает: солнце имеет место за видимостью строящихся объектов.

СЕРИИ

Серии 6, 5, 27–29

*

То, что определяется частотой пересечения значений: то, что есть равенство без симуляции временем

Не закончившись, замыкание видимого света отменяет видимость; остаются глаза, изображение троп, оставленных глазами

Пересеченные, чаще
границ от-времени;
имеет ли он (Б., 21–23, п. 4) в виду
дальность — неопределимый пункт, что некогда был.

Некогда пересеченные: некогда бывшие,
где снова?

*

(...оттиск того, что хотим запомнить из виденного, слышанного или самими нами придуманного, как бы оставляя на нем отпечатки перстней. И то, что застывает в этом воске, мы помним и знаем, пока сохраняется изображение этого, когда же оно стирается или нет уже места для новых отпечатков, тогда мы забываем и больше уже не знаем.)

Тезтет 191 с–е; 194 с — 195 а

*

Знаешь — это не кажется полным объяснением формы желания
Знаешь одно а, не учтенное при возделывании того поля
«мерцание численного»

Форма истребления последовательности: удаленные записи случайных звуков с номерами от 14 до 308, оставленные письму

неторопливые движения, распространяющие движение,
скрывающиеся в изворотах карты.

18–24: семь показателей места, которого нет, которого «не знаешь больше»; повторяется то, как сами они повторяют себя, например от пятого до седьмого (22–24), словно возвращаясь к началу, как если этот объект, который они окружают, пытается встать на поверхность полного отражения себя от звука.

*

18–25 — добавленная запись сменяет фон на искаженное проговаривание какой-то буквы, (буква фигура без-сна обратимость) дефект воспроизведения которой есть определение, невозможное быть определенным как таковое. Но что именно. «Узел».

Узлы между этими связками и есть дефект, точка возврата, обратная, к исчезновению. Я пытаюсь распознать в ускользании сам процесс растворяющегося голоса, растворенного в звуке, на самом деле — падающего в предел отсутствия точки на карте знаков, распределенных в случайном, как может казаться, порядке, не указывающих, но ясных, отосланных.

*

Возьми и читай это, не читай это
Это — Что

*

Хронология, лишенная порядка — только пробел в понимании
Пространство, проваленное в эту дыру, невыносимость перевода

*

Имея возможность обмена узлами

Было бы невозможно взять и читать это

Серии 17–21

а не есть а: то, что было понято
как коридор изнутри обозначенного: знак после
значения — ты не есть то, что значит

вообрази, как — восстание слова меняет прикосновение слова
восстанавливая курс памяти, в реконструкции речей 4,8

и то, бывшее другим, прошлым следом, замеченным
в переводе было лишь,
тень зноя,
свет отражения, разрез тени. Та немая складка, ширящаяся
в глубине письма

что не есть реконструкция,
временным

то, что требовало бы расположение этого именно внутри того, что
является объектом названия

мешает: данное равно данному, белый прожектор
вымещает белое, в порядке цвета, не равно
тому, следующему цвету
в будущем времени

цветовой адаптации человеческого глаза,
ощущения белого цвета
чего не видно при свете

оговариваешься: если это и равно,
то что есть другое равенство, о котором сейчас не упоминается
но что есть телесность происходящего

но здесь еще не найденное тобой предложение

то, что ты имеешь ввиду
под превращением вещей в другие вещи,
то, что не найдено

ненайденным предложением здесь

возвращающаяся грамматика, звуки ветра: отходящие;
дополнительное внедрение строки здесь отделено от негативности звука
к своему звуку, звук звука ранней речи (18.3), выделенной сценарием:
речь представляет собой разложение последующей, другое
написание остального, вмещенное в полости нумерации

та книга, о которой говорили, была тогда
помещенной в

последующее написание

темнота ответа, стремящаяся к полной темноте,

отражаемая на действиях того или иного понятия
та истина одного, возвращаемого в положение вещи
в дальнейшем: а исключившее а7

ничто иное, как порыв ветра над крышей, сказанной

переходя от речи 15.6 к остатку главы, следующего произношения
ты, сопровождая значение, делаешь движение головой
т. е. та — она, определенная значением, начинает произносить

Речь 4.3 — там, где появляется горизонт, сопровождаясь светом, видно,
как поверхность холодной земли разделена на квадраты письма
письмо квадрата в манере говорения (как речевой деятельности)

поверхность материального

она не должна произносить речи
т. е. не должна, но произносит

чтобы не прекращать последовательность, с которой
именно это должно быть сказано

прерывистая струна движения от фразы к фразе,
обменивающаяся точками фигур с различимостью фигур зрением

серия темных снимков, изображающих части тела,
некоторые зоны которых светлее, имеет цель определить собой
невозможность видеть эти части тела, как невозможно

видеть свет, лежащий на них

когда я писал «это окно»
я писал «странные птицы в окне напротив окна»

когда я написал это:
«когда это было написано»
эта паутина оборвалась

нет возможности взять и видеть это
«взять» (и) «видеть» «это»
нет возможности отделить

Неотрывно произносить это и то

Серии: нумерованное

внезапно:
подпись подписи

весь текст вертится вокруг одного и того же

подписи к означаемым: я пишу цикл онлайн,
если я следы тела здесь

если здесь действительно следы тела

простыня сказуемого закрывает разбросанные картины:
коричневые облака над снегом
написанное, сходит
превращаясь в цвета этих картин

превращаясь в: ты идешь (возможно: куда, где)
не превращая картины в то, чем они не являются — отвес скалы,

поверхность скалы

окончание, состоящее из тех же слов,
оконченное до исчезновения написанного

Бумага, на которой напечатана эта брошюра, в полиграфическом производстве называется «крафт». Такой же пользуются работники почты и многих других технических отраслей.

То, что вы держите в руках, не похоже на «нормально сделанную» поэтическую книжку, и это отвечает стремлению авторов, чьи тексты напечатаны на этой бумаге и в этой серии, акцентировать материальную сторону культурного производства.

Конечно же, ремесло поэта, в свою очередь, заключается в производстве «речевых вещей», подразумевающим умение видеть фактуру языкового материала и умение преодолевать его сопротивление. Однако чувствительность к материальности языка и непрозрачности формы при известной последовательности приводит к анализу материального уровня бытования литературы и непрозрачности ее отношений с обществом и, как следствие, к пересмотру границы между «искусством» и «тем, что его не касается».

Эту серию можно понимать как стремление людей, являющихся специалистами по словам, обрести квалифицированное отношение к самим вещам, стремление понимать дело литературы не как некое привилегированное ритуальное действие, а как способ людей освоиться с жизнью, стремление к упразднению разделения труда на «творческий» и «ручной».

Совместная серия альманаха «Транслит» [www.trans-lit.info]
и Свободного марксистского издательства [fmbooks.wordpress.com]

The word "kraft" is rendered in a large, bold, sans-serif font. Each letter is filled with a dense, diagonal hatching pattern, giving it a textured, three-dimensional appearance. The letters are closely spaced, and the overall effect is one of industrial strength and materiality, consistent with the "kraft" paper mentioned in the text.